

СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ: БАЛАНС ГОСУДАРСТВЕННО- ЦЕНТРИЧНОГО И ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОГО ПОДХОДОВ

THE MODERN CONCEPT OF SECURITY: BALANCE OF STATE-CENTERED AND HUMAN-CENTERED APPROACHES

В. Н. Гурба*,**

ORCID: 0009-0004-5639-2880

Vladimir N. Gurba*,**

* *Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета*

** *Аппарат полномочного представителя
Президента РФ в Южном федеральном
округе, Ростов-на-Дону, Россия*

* *Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University*

** *Office of the Plenipotentiary
Representative of the President of the Russian
Federation in the Southern Federal District,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования. Данная статья посвящена теоретическому и практическому обоснованию необходимости гибридного подхода к безопасности в XXI веке, сочетающего государственноцентричную парадигму — ориентированную на суверенитет, сдерживание и военно-политическую защиту — с человекоцентричной концепцией человеческой безопасности (human security), разработанной Программой развития ООН. В статье показано, что адекватное описание, предотвращение и реагирование на комплексный спектр современных угроз — от межгосударственных конфликтов до транснациональных рисков, таких как пандемии, изменение климата и продовольственная нестабильность — требует сбалансированного сочетания обоих подходов.

Objective of the study is to provide theoretical and practical justification for the necessity of a hybrid approach to security in the 21st century, integrating the state-centric paradigm — focused on sovereignty, deterrence, and military-political defense — with the human-centric concept of human security developed by the United Nations Development Program (UNDP). The article demonstrates that adequately describing, preventing, and responding to the complex spectrum of contemporary threats — from interstate conflicts to transnational risks such as pandemics, climate change, and food insecurity — requires a balanced combination of both approaches.

Методологическая база исследования опирается на теорию международных отношений и концептуальный анализ безопасности. В работе применяется сравнительно-теоретический подход, позволяющий сопоставить государственноцентричную парадигму, укорененную в реалистических традициях, с человекоцентричной моделью, представленной в концепции «человеческой безопасности».

Methodological basis of the study rests on international relations theory and conceptual security analysis. The article employs a comparative-theoretical approach that enables a juxtaposition of the state-centric paradigm — rooted in realist traditions — with the human-centric model embodied in the United Nations' "human security" framework. Central to the argumentation are key analytical categories such as the "referent

© Гурба В. Н., 2026

разработанной в рамках ООН. Центральную роль в аргументации играют такие аналитические категории, как «референтный объект» безопасности и «секьюритизация». Для иллюстрации логики действия обеих парадигм приводятся ключевые примеры из современной международной практики — ядерное сдерживание, контртеррористические меры после 11 сентября, пандемия COVID-19, климатические вызовы. Такой подход обеспечивает теоретическую строгость анализа и подчеркивает его прикладную значимость в условиях трансформации глобальной повестки безопасности.

Результаты исследования показывают, что ни один из подходов — ни государственно-центричный, ни человекоцентричный — в отдельности не способен обеспечить полную безопасность в условиях современного мира. Государственноцентричный подход остается необходимым для защиты суверенитета и сдерживания военных угроз, но он недостаточен для решения медленно нарастающих, транснациональных и структурных проблем. Человекоцентричный подход, напротив, эффективен в профилактике уязвимостей и укреплении устойчивости сообществ, но может быть распылчатым и труднооперационализируемым без четкой государственной институциональной поддержки. Ключевой результат — обоснование гибридной архитектуры безопасности, в которой государственные институты обеспечивают стабильность и порядок, а инвестиции в человеческое развитие, здравоохранение, экологическую устойчивость и права человека формируют долгосрочную основу для «свободы от страха» и «свободы от нужды».

Перспективы исследования связаны с эмпирической проверкой гибридной модели безопасности на региональном уровне. Представляется перспективным применение смешанных методов, сочетающих количественные индексы уязвимости с качественным моделированием сценариев кризисного реагирования. На практике особое значение

object” of security and “securitization”. To illustrate the operational logic of both paradigms, the study draws on pivotal examples from contemporary international practice — including nuclear deterrence, post-9/11 counterterrorism measures, the COVID-19 pandemic, and climate-related challenges. This approach ensures theoretical rigor while highlighting the practical relevance of the analysis amid the ongoing transformation of the global security agenda.

Results of the study show that neither the state-centric nor the human-centric approach, when applied in isolation, can ensure comprehensive security in today’s world. The state-centric approach remains essential for protecting sovereignty and deterring military threats, yet it proves insufficient for addressing slow-onset, transnational, and structural challenges. Conversely, the human-centric approach is effective in preventing vulnerabilities and strengthening community resilience, but it may appear vague and difficult to operationalize without clear institutional support from the state. The key finding is the substantiation of a hybrid security architecture, in which state institutions provide stability and order, while investments in human development, healthcare, environmental sustainability, and human rights establish the long-term foundation for “freedom from fear” and “freedom from want”.

Prospects of the study involve the empirical testing of the hybrid security model at the regional level. The application of mixed methods — combining quantitative vulnerability indices with qualitative modeling of crisis response scenarios — appears particularly promising. In practice, special emphasis is placed on developing “dual-purpose” policies, whereby

приобретает разработка политик «двойного назначения», в рамках которых оборонные, технологические и инфраструктурные инвестиции одновременно служат целям устойчивого развития и социальной защиты. Актуальной задачей становится интеграция принципов человеческой безопасности в реализацию Целей устойчивого развития ООН на период до 2030 года, а также расширение анализа на новые типы угроз — в первую очередь цифровые, такие как кибербезопасность и искусственный интеллект. В этом контексте представляет интерес дальнейшее изучение роли негосударственных акторов как ключевых партнеров в формировании устойчивой и инклюзивной архитектуры безопасности.

Ключевые слова: безопасность, международные отношения, «референтный объект» безопасности, государственноцентричный подход, человекоцентричный подход

defense, technological, and infrastructure investments simultaneously advance the goals of sustainable development and social protection. An urgent priority is the integration of human security principles into the implementation of the UN Sustainable Development Goals (SDGs) through 2030, as well as the expansion of security analysis to emerging threats — particularly digital ones, such as cybersecurity and artificial intelligence. In this context, further examination of the role of non-state actors as key partners in building a resilient and inclusive security architecture holds significant scholarly and practical interest.

Keywords: security, international relations, “reference object” of security, state-centric approach, human-centric approach

Введение

В современной системе международных отношений концепция безопасности претерпела значительную трансформацию, выйдя далеко за рамки классического, узко военного понимания. Если в период Холодной войны безопасность преимущественно ассоциировалась с защитой государственных границ, суверенитета и территориальной целостности от внешних военных угроз (Бузан, 1991; Waltz, 1979), то конец биполярного мира и последовавшая глобализация привели к «расширению» и «углублению» повестки безопасности (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998). Сегодняшний ландшафт угроз характеризуется комплексностью и взаимозависимостью, включая не только традиционные военные риски, но и транснациональные вызовы: пандемии, изменение климата, киберпреступность, дезинформацию, уязвимость глобальных цепочек поставок, энергетическую и продовольственную нестабильность.

В центре академической и политической дискуссии последних десятилетий находится вопрос о «референтном объекте» безопасности — кого именно мы защищаем в первую очередь. Это привело к формированию двух основных, хотя и взаимодополняющих, подходов: государственноцентричного (state-centric) и человекоцентричного (human-centric). Исследовательский вопрос заключается в следующем: как сопоставление государственноцентричного и человекоцентричного подходов помогает адекватнее описывать и решать угрозы безопасности XXI века?

Теоретические основания: два подхода к безопасности

1. *Государственноцентричный подход.* Государственноцентричная парадигма безопасности доминировала в теории международных отношений на протяжении большей части XX века, особенно в рамках реалистической и неореалистической школ (Современные международные отношения..., 2012). В этой логике основным референтным объектом безопасности является суверенное государство. Безопасность определяется как способность государства защищать свои границы, территориальную целостность, политическую независимость и институты от внешних и внутренних угроз. Основными инструментами обеспечения такой безопасности выступают военная мощь, дипломатия, разведывательная деятельность, формирование военно-политических союзов и сдерживание потенциальных противников (Цыганков, 2004).

Сильные стороны государственноцентричного подхода заключаются в его ясности и операционализированности: угрозы четко идентифицируются как направленные против государства, а меры реагирования — как действия государства. Этот подход эффективен в условиях межгосударственной конкуренции, конфликтов и войн, где главной целью является выживание и защита национальных интересов. Показателями успеха служат отсутствие военных конфликтов на территории, сохранение суверенитета, баланс сил и стабильность региональной или международной системы (Богатуров, Аверков, 2010).

2. *Человекоцентричный подход.* Появление человекоцентричного подхода было реакцией на неспособность исключительно государственноцентричной парадигмы адекватно реагировать на новые, комплексные угрозы, не связанные напрямую с государственным насилием. Ключевым моментом стало опубликование Доклада о человеческом развитии ПРООН в 1994 году, который ввел в оборот понятие «человеческая безопасность» (human security)¹. Этот подход переносит фокус с безопасности государства на безопасность индивида и сообщества, утверждая, что истинная безопасность должна означать «свободу от страха» (freedom from fear) и «свободу от нужды» (freedom from want), а позднее — «свободу жить достойно» (freedom to live in dignity)².

Человеческая безопасность признает, что угрозы могут исходить не только от других государств, но и от бедности, болезней, экологических катастроф, насилия, нарушений прав человека и структурного неравенства. Инструменты обеспечения человеческой безопасности включают развитие, здравоохранение, образование, социальную защиту, соблюдение прав человека,

---

¹ UNDP. Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. New York: Oxford University Press for UNDP, 1994. 238 p. — URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatstatpdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

² Commission on Human Security. Human Security Now. New York, 2003. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/human-security-now-report-commission-human-security-2003> (дата обращения: 10.09.2025).

инклюзивное управление и создание устойчивых сообществ (Hafida Ayachi, 2013). Сильные стороны этого подхода — его превентивный характер, межсекторальность и внимание к первопричинам уязвимостей, что соответствует повестке устойчивого развития и целям ООН¹.

Рассмотрим, как оба подхода проявляются в конкретных ситуациях.

Государственноцентричный аспект: ядерное сдерживание и коллективная оборона

В условиях современной геополитической напряженности, особенно после событий 2014 и 2022 годов в Восточной Европе, государственноцентричная логика проявляется в стратегиях ядерного сдерживания и коллективной обороны. Усиление восточного фланга НАТО, наращивание военного присутствия, проведение масштабных учений и модернизация ядерных триад направлены на предотвращение угроз со стороны других государств и защиту суверенитета стран-участниц². Здесь суверенитет и территориальная целостность являются центральными ценностями. Аргумент заключается в том, что только мощные государственные военные и дипломатические инструменты способны быстро и решительно нейтрализовать экзистенциальные риски для политических сообществ перед лицом классической военной угрозы (Waltz, 1979. P. 126–128). Критериями успеха выступают сохранение статус-кво, отсутствие прямой конфронтации и обеспечение способности к обороне.

Государственноцентричный аспект: контртерроризм после 11 сентября

После террористических атак 11 сентября 2001 года многие государства, в первую очередь США, приняли ряд радикальных мер в рамках государственноцентричного контртеррористического подхода. Это включало реформы разведывательного сообщества, развертывание военных операций за рубежом, создание широкого режима санкций и списков террористических организаций, усиление пограничного контроля и расширение полномочий спецслужб (Шаклеина, 2011). Приоритет отдавался нейтрализации акторов насилия и предотвращению атак, даже ценой некоторых ограничений гражданских свобод. Безопасность здесь трактовалась как способность государства защищать себя от негосударственных, но крайне дестабилизирующих угроз, демонстрируя, что защита граждан достигается в первую очередь через усиление государственных мощностей и их способности к принуждению (Mearsheimer, 2001).

---

¹ United Nations General Assembly. Follow-up to paragraph 143 on human security (A/RES/66/290). New York, 2012. — URL: <https://undocs.org/A/RES/66/290> (дата обращения: 10.09.2025).

² The White House. National Security Strategy. Washington, DC, 2022. 48 p. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

Человекоцентричный аспект: пандемия COVID-19

Пандемия COVID-19 стала ярким примером угроз, которые невозможно было эффективно решить исключительно государственноцентричными методами. Миллионы смертей, разрывы глобальных цепочек поставок, колоссальные экономические потери, образовательные кризисы и рост социального неравенства показали, что здоровье, занятость, социальная защита и доступ к базовым услугам являются измерениями безопасности, не менее важными, чем военная оборона¹. Человекоцентричный подход в данном случае акцентировал внимание на укреплении систем первичной медико-санитарной помощи, массовой вакцинации (инициативы типа COVAX), защите уязвимых групп населения и поддержке доходов². Аргумент состоит в том, что устойчивые системы здравоохранения, социальная поддержка и укрепление устойчивости сообществ являются ключом к предотвращению эскалации таких кризисов безопасности.

*Человекоцентричный аспект: изменение климата
и продовольственная безопасность*

Изменение климата представляет собой экзистенциальную угрозу человеческой безопасности, проявляющуюся в виде учащения экстремальных погодных явлений, деградации земель, нехватки воды и продовольствия, а также принудительной миграции³. Эти факторы напрямую угрожают жизням, средствам к существованию и благополучию миллионов людей. В человекоцентричной логике эффективными мерами безопасности являются инвестиции в системы раннего предупреждения о стихийных бедствиях, развитие устойчивого сельского хозяйства, адаптация инфраструктуры к новым климатическим условиям и поддержка сообществ в зонах риска⁴. Безопасность здесь измеряется снижением уязвимости домохозяйств, сокращением числа жертв стихийных бедствий и сохранением продовольственной доступности, а не только выполнением национальных целевых показателей по выбросам.

Концепция человеческой безопасности, введенная ПРООН в 1994 году, стала одним из наиболее влиятельных направлений в расширении понимания

---

¹ UNDP. New threats to human security in the Anthropocene: Demanding greater solidarity. Special Report. 2022. — URL: <https://hdr.undp.org/content/new-threats-human-security-anthropocene-demanding-greater-solidarity> (дата обращения: 10.09.2025).

² United Nations General Assembly. Follow-up to paragraph 143 on human security (A/RES/66/290). New York, 2012. — URL: <https://undocs.org/A/RES/66/290> (дата обращения: 10.09.2025).

³ IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Commission on Human Security. Human Security Now. New York, 2003. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/human-security-now-report-commission-human-security-2003> (дата обращения: 10.09.2025).

безопасности. Она предлагает принципиально иной взгляд на то, что должно быть защищено, кто должен защищать и какими средствами.

Определение и измерения

Ключевая идея человеческой безопасности — это смещение фокуса с государства на человека. Основной акцент делается на «свободе от страха» и «свободе от нужды». Доклад ПРООН 1994 года выделил семь основных измерений человеческой безопасности¹:

1. Экономическая безопасность: наличие стабильного дохода, доступ к достойной работе и базовым социальным гарантиям.

2. Продовольственная безопасность: физическая и экономическая доступность достаточного, безопасного и питательного продовольствия.

3. Медицинская безопасность: защита от болезней, доступ к качественным медицинским услугам, чистой воде и санитарии.

4. Экологическая безопасность: защита от деградации окружающей среды, стихийных бедствий и изменения климата.

5. Личная безопасность: защита от физического насилия, преступности, терроризма, пыток и домашнего насилия.

6. Общинная (культурная) безопасность: сохранение традиций и культурной идентичности, защита от межобщинного насилия и дискриминации.

7. Политическая безопасность: соблюдение прав человека, верховенство права, свобода выражения мнений и участие в политической жизни.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 66/290 (2012 г.) подтвердила этот подход, определив человеческую безопасность как «подход, который помогает государствам определить и устранить широкую шкалу многосекторных и пересекающихся угроз, уделяя внимание защите и расширению возможностей людей»².

Принципы операционализации

ПРООН и Комиссия по человеческой безопасности (2003 г.) выделили ряд операциональных принципов.

Защита и расширение возможностей. Двойная стратегия, которая сочетает защиту людей от внезапных шоков и расширение их собственных возможностей самостоятельно справляться с рисками³.

---

¹ UNDP. Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. New York: Oxford University Press for UNDP, 1994. 238 p. — URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatpdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

² United Nations General Assembly. Follow-up to paragraph 143 on human security (A/RES/66/290). New York, 2012. — URL: <https://undocs.org/A/RES/66/290> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Commission on Human Security. Human Security Now. New York, 2003. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/human-security-now-report-commission-human-security-2003> (дата обращения: 10.09.2025).

Превентивность и раннее предупреждение. Акцент на предотвращении кризисов и угроз до их возникновения, а не только на реагировании на последствия.

Контекстность и локальная релевантность. Решения должны быть адаптированы к специфическим потребностям и уязвимостям конкретных групп населения и сообществ.

Межсекторальная координация. Эффективная реализация требует тесного сотрудничества между различными государственными ведомствами, а также с гражданским обществом, частным сектором и международными организациями.

Связь с повесткой ООН и Цели устойчивого развития

Человеческая безопасность служит мостом между традиционной безопасностью и повесткой устойчивого развития. Она помогает выявить структурные источники нестабильности, которые могут привести к конфликтам, бедности и гуманитарным кризисам. Цели устойчивого развития Повестки-2030, принятые ООН, по сути, являются конкретизацией многих измерений человеческой безопасности (ликвидация бедности, голода, обеспечение здоровья, образования, чистой воды и т. д.)¹.

Критика и ответы

Несмотря на свою привлекательность, концепция человеческой безопасности подвергалась критике. Некоторые исследователи указывали на ее чрезмерную широту и расплывчатость, опасаясь, что когда все является безопасностью, ничто не является безопасностью (Paris, 2001. P. 92). Также высказывались опасения о риске «секьюритизации» развития, когда проблемы развития начинают трактоваться как угрозы безопасности, что может привести к милитаризации или искажению приоритетов.

В ответ на эту критику сторонники человеческой безопасности подчеркивают ее диагностический характер, а не попытку унифицировать все угрозы. Они указывают на важность контекстуализации, локальной оценки рисков и фокусировки на наиболее острых уязвимостях в конкретных условиях². Более того, человеческая безопасность не заменяет ответственность государств, а дополняет ее, предлагая более всеобъемлющий подход к обеспечению благополучия граждан³.

---

¹ Sustainable Development Goals (SDGs). The 2030 Agenda for Sustainable Development. 2015. — URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 10.09.2025).

² Alkire S. A conceptual framework for human security. CRISE Working Paper 2. 2003. — URL: <https://gsdrc.org/document-library/a-conceptual-framework-for-human-security/> (дата обращения: 10.09.2025).

³ United Nations General Assembly. Follow-up to paragraph 143 on human security (A/RES/66/290). New York, 2012. — URL: <https://undocs.org/A/RES/66/290> (дата обращения: 10.09.2025).

Контраргументы и дилеммы

Несмотря на очевидные преимущества гибридного подхода, его реализация сопряжена с рядом вызовов и дилемм для обоих направлений.

Как уже отмечалось, основная критика человеческой безопасности заключается в ее чрезмерной широте, которая может затруднять операционализацию и приоритизацию задач (Paris, 2001. P. 88). Если «все является безопасностью», то правительствам сложно определить, куда направлять ограниченные ресурсы. Существует риск того, что, фокусируясь на множестве «мягких» угроз, государства могут недооценить «жесткие» военные риски. Более того, чрезмерное расширение понятия безопасности может привести к его «секьюритизации» — ситуации, когда не связанные с безопасностью вопросы (например, миграция, бедность) преподносятся как экзистенциальные угрозы, что может оправдывать авторитарные меры и ограничение свобод.

Однако сторонники человеческой безопасности указывают, что проблема не в широте понятия, а в неспособности государств выстраивать комплексные стратегии. Они предлагают фокусироваться на управляемом наборе приоритетных рисков в каждом конкретном контексте, используя локальные индикаторы уязвимости для диагностики «узких мест»¹.

Государственноцентричный подход, несмотря на свою эффективность в условиях межгосударственных конфликтов, в меньшей степени учитывает нелинейные, медленно нарастающие угрозы, такие как изменение климата или пандемии, которые не имеют четкого государственного источника. Он может приводить к «эффекту замещения», когда чрезмерные расходы на военное сдерживание отвлекают ресурсы от инвестиций в устойчивость и человеческое развитие. Более того, сосредоточение на национальной безопасности может затруднять международное сотрудничество по глобальным проблемам, требующим коллективного ответа, и может вступать в противоречие с защитой прав человека².

Реалисты, в свою очередь, утверждают, что без безопасного и стабильного государства невозможно защитить людей. Эмпирика межгосударственных войн и конфликтов подтверждает, что принуждение и сдерживание остаются необходимыми инструментами для поддержания порядка в анархической международной системе (Waltz, 1979. P. 112).

---

¹ Alkire S. A conceptual framework for human security. CRISE Working Paper 2. 2003. — URL: <https://gsdrc.org/document-library/a-conceptual-framework-for-human-security/> (дата обращения: 10.09.2025).

² UNDP. Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security. New York: Oxford University Press for UNDP, 1994. 238 p. — URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatpdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

Заключение

Для академических исследований сочетание государственноцентричного и человекоцентричного подходов открывает новые возможности. Полезной является смешанная операционализация, включающая как «жесткие» показатели межгосударственной угрозы (военные бюджеты, численность войск, альянсы), так и «мягкие» индексы уязвимости по human security (индексы бедности, голода, доступа к здравоохранению, климатической уязвимости). Это позволяет проводить более комплексный анализ причин и последствий различных кризисов безопасности.

Для практической политики гибридный подход предполагает необходимость «двойного назначения» бюджетных средств, когда инвестиции в оборону (например, в развитие новых технологий) могут одновременно способствовать гражданской устойчивости. Требуется усиление межведомственной и межсекторальной координации на национальном уровне, а также многостороннего сотрудничества на глобальном. Определение локальных индикаторов уязвимости и превентивные инвестиции в человеческое развитие становятся не менее важными, чем традиционная дипломатия и военное планирование.

Подведем итоги. Современное понятие безопасности эволюционировало от узко военного — до многомерного и комплексного феномена. Государственноцентричный подход, фокусирующийся на защите суверенитета и территориальной целостности, остается критически важным перед лицом межгосударственной конфронтации и высокоинтенсивных угроз. Однако он недостаточен для реагирования на транснациональные и повседневные риски, затрагивающие напрямую жизнь и достоинство каждого человека.

Концепция человеческой безопасности закладывает основу для профилактики и межсекторальной координации, направленной на снижение уязвимостей людей перед лицом бедности, болезней, экологических катастроф и насилия. Великие державы признают эти новые измерения, хотя и стремятся интегрировать их в свою традиционную геополитическую логику.

В конечном итоге, наиболее эффективной стратегией обеспечения безопасности в XXI веке является гибридная архитектура. Она предполагает, что сильные государственные институты и их способность к сдерживанию и обороне являются необходимым условием, но не самоцелью. Эти возможности должны служить более широким целям безопасности человека, обеспечивая «свободу от страха» и «свободу от нужды» через развитие, социальную защиту, соблюдение прав и построение устойчивых обществ. Только такое комплексное взаимодействие позволит достичь долгосрочной стабильности и благополучия в условиях беспрецедентной неопределенности.

Список источников

Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений. 1945–2008: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 520 с. — ISBN 978-5-7567-0591-1.

Бузан Б. Люди, государства и страх: повестка дня для исследований международной безопасности в постбиполярном мире. — М.: Центр политических технологий, 1991. — 264 с. — ISBN 0-7450-0719-8.

Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — М.: Аспект Пресс, 2012. — 688 с.

Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. — 590 с. — ISBN 5-8297-0106-5.

Шаклейна Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) / Т. А. Шаклейна // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2011. — № 3. — С. 35–58. — EDN OOMNCJ.

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.

Hafida Ayachi Human security relationship to achieving respect for human rights / A. Hafida // Russian Law Journal. — 2023. — №5. — P. 1608–1016.

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics / J. J. Mearsheimer // New York: W. W. Norton, 2001. — 555 p.

Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? / R. Paris // International Security. — 2001. — Vol. 26. — No. 2. — P. 87–102. DOI: 10.1162/016228801753191141.

Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz // Reading, MA: Addison-Wesley. — 1979. 251 p.

References

Bogaturov A. D., Averkov V. V. History of International Relations. 1945–2008: A Textbook for University Students. M.: Aspekt Press = Moscow: Aspect Press. 2010; 520 p. ISBN 978-5-7567-0591-1. (In Russ.)

Buzan B. People, States, and Fear: An Agenda for International Security Research in the Post-Bipolar World. M.: Tsentr politicheskikh tekhnologiy = Moscow: Center for Political Technologies. 1991; 264 p. ISBN 0-7450-0719-8. (In Russ.)

Modern International Relations. Ed. by A. V. Torkunov, A. V. Malgin. M.: Aspekt Press = Moscow: Aspect Press. 2012; 688 p. (In Russ.)

Tsygankov P. A. Theory of International Relations: A Textbook. M.: Gardariki = Moscow: Gardariki. 2004. — 590 p. — ISBN 5-8297-0106-5.

Shakleina T. A. The Evolution of US Global Strategy (2001–2011). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2011; 3: 35–58. (In Russ.)

Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

Hafida Ayachi Human security relationship to achieving respect for human rights. Russian Law Journal. 2023; 5: 1608–1016.

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton. 2001; 555 p.

Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? International Security. 2001; 26 (2): 87–102. DOI: 10.1162/016228801753191141.

Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley. 1979; 251 p.

Для цитирования: Гурба В. Н. Современное понятие безопасности: баланс государственно-центричного и человекоцентричного подходов // Гуманитарий Юга России. — 2026. — Т. 15. — № 1 (77). — С. 35–46.
DOI 10.18522/2227-8656.2026.1.2
EDN FPOBGT

История статьи:

Поступила в редакцию — 10.10.2025
Одобрена после
рецензирования — 13.01.2026
Принята к публикации — 16.01.2026

Сведения об авторе

Гурба Владимир Николаевич
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой конфликтологии
и национальной безопасности, Институт
социологии и регионоведения Южного
федерального университета; заместитель
полномочного представителя Президента
РФ в Южном федеральном округе
AuthorID РИНЦ: 306101
vgurba@sfedu.ru

Information about author

Vladimir N. Gurba
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Conflictology and
National Security, Institute of Sociology and
Regional Studies,
Southern Federal University;
Deputy Plenipotentiary Representative of the
President of the Russian Federation in the
Southern Federal District
vgurba@sfedu.ru